

врага рабства и феодально-наследственных привилегий. Султан Махмет в изображении Пересветова пренебрегал родовитостью вельмож, ценя только личные способности и заслуги. Пересветов подчеркивает, что Царьград пал не от чего иного, как от гордости и корыстности вельмож, подчинивших себе последнего византийского царя Константина, и настойчиво советует русскому царю избежать этой опасности.¹ Заметим, что эту повесть составитель сборника поставил на одно из первых мест.²

Общему характеру сборника и собранных в нем произведений, отвечавших в большей или меньшей степени идеологии демократических слоев петровской эпохи, соответствует и помещение в нем известного романа-жития о Петре и Февронии Муромских. Один из позднейших исследователей этого памятника подчеркнул публицистическую его тенденцию, сказавшуюся в резко отрицательном изображении муромских бояр. Боярам с их родовитой спесью здесь противопоставлен иной идеал — дочь крестьянина-бортника и сама ремеслом ткачиха Феврония, достигшая, благодаря уму, трудолюбию и доброй жизни, княжеского достоинства.³

Наконец, общей тенденции сборника не противоречит и помещение в нем повести о гибели развратного — епископа Магдебургского Удона. «Великое Зерцало», откуда выписана эта повесть, вообще поставляло в XVII—XVIII вв. любимое чтение для купеческой, ремесленной и иной, близкой социальной среды.⁴

Ниже мы увидим, что это литературное окружение списка изучаемой нами драмы не случайно, что сама драма является носителем подобных идей и тенденций.

¹ В. Ф. Ржиги. И. С. Пересветов и западная культурно-историческая среда, Изв. ОРЯС АН, т. XVI, 1911, кн. 3, стр. 175; Д. Н. Егоров. Идея турецкой реформации в XVI в., Русь-Мысль, 1907, июль, стр. 10.

² О других случаях заинтересованности в купеческой и мещанской среде петровского времени сказанием Пересветова о турецком султани Махмете, повестью о Вавилонском царстве и т. п. см. сведения, собранные на основании Забелинских сборников в книге П. Н. Сакулина «Русская литература», ч. 2, М., 1929, стр. 30. Ср. о Пересветове там же, ч. 1, М., 1928, стр. 162—164.

³ Об этом см. в цитированной выше работе В. Ф. Ржиги «Литературная деятельность Ермолая-Еразма», Лгр., 1926, стр. 183 и сл.

⁴ Так, драма петровского времени о Давиде и Соломоне дошла до нас в рукописном сборнике, составленном почти исключительно из повестей «Великого Зерцала». В этом сборнике (лл. 125 об. и сл.) находится также и повесть об епископе Удоне. «Состав сборника (повести и: «Великого Зерцала»), замечает по этому поводу издатель упомянутой драмы В. Н. Перетц (Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903, стр. XXIII), самый обычный для читателя низшего круга, к какому, несомненно, следует отнести Семена Миняева, купца третьей гильдии» (владельца и, может быть, составителя сборника. П. П.).